

Ученые и тьма

Зачем советская власть придумала «шарашки»

Коллектив ЦКБ-39 ОГПУ. Заключённые и охранники. Фото: архив

08:52, 19 мая 2026,

Павел Гутионтов

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Заклученный вошел в кабинет и, не спрашиваясь, уселся напротив министра. Абакумов... не крикнул ему: «встать!», а, полагая, что тот не разбирается в погонах и не догадался по анфиладе преддверий, куда попал, спросил почти миролюбиво:

— А почему вы без разрешения садитесь? Вы представляете — кем я могу быть?

Удобно облокотясь в избранном кресле, Бобынин теперь осмотрел Абакумова и высказал ленивое предположение:

— Ну — кем? Ну, кем-нибудь вроде маршала Геринга?

— Вроде кого???

— Маршала Геринга. Он однажды посетил авиазавод близ Галле, где мне пришлось в конструкторском бюро работать. Так тамошние генералы на цыпочках ходили, а я даже к нему не повернулся. Он посмотрел-посмотрел и в другую комнату пошел.

По лицу Абакумова прошло движение, отдаленно похожее на улыбку, но тотчас же глаза его нахмурились на неслыханно-дерзкого арестанта. Он мигнул от напряжения и спросил:

— Так вы что? Не видите между нами разницы?

— Между вами? Или между нами? — голос Бобынина гудел, как растревоженный чугун. — Между нами отлично вижу: я вам нужен, а вы мне — нет!

<...>

— Слушайте, заключенный. Если я с вами мягко, так вы не забываетесь...

— А если бы вы со мной грубо — я б с вами и разговаривать не стал, гражданин министр. Кричите на своих полковников да генералов, у них слишком много в жизни есть, им слишком жалко этого всего».

Инженер Бобынин был министру нужен, чтобы «из первых рук» от него узнать, сколько времени в действительности понадобится, чтобы выполнить опрометчиво данное самому Сталину обещание немедленно сделать установку. По всему выходило, что сроки будут сорваны. Подчиненные генералы и полковники, похоже, ввали безбожно.

Сколько нужно — и вас заставим.

— Ошибаетесь, гражданин министр! — И сильные глаза Бобынина сверкнули открытой ненавистью. — У меня ничего нет, вы понимаете — нет ничего! Жену мою и ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои — уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) — казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих. Лет мне отроду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима — чем еще можете вы мне угрожать? Чего еще лишит? Инженерной работы? Вы от этого потеряете больше. <...> Вообще, поймите и передайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не всё. Но человек, у которого вы отобрали всё, — уже не подвластен вам, он снова свободен.

— Но причины? Кто виноват в срыве сроков? Скажите, не бойтесь! Назовите виновников, какие бы погоны они ни

носили! Я сорву с них погоны!

— Вам срок был дан — год! — возмутился министр. И Бобынина взорвало:

— Что значит — дан срок? Как вы представляете себе науку: Сивка-Бурка, вещая каурка? Воздвигни мне к утру дворец — и к утру дворец? А если проблема неверно поставлена? А если обнаруживаются новые явления? Дан срок! А вы не думаете, что кроме приказа еще должны быть спокойные сытые свободные люди? Да без этой атмосферы подозрения. <...> Вот все говорят — секретную телефонию для Сталина делаем. Лично Сталин насаждает — и даже на таком участке вы не можете обеспечить технического снабжения: то конденсаторов нужных нет, то радиолампы не того сорта, то электронных осциллографов не хватает. Нищета! Позор! «Кто виноват»! А о людях вы подумали? Работают вам все по двенадцать, иные по шестнадцать часов в день, а вы мясом только ведущих инженеров кормите, а остальных — костями?.. Свиданий с родственниками почему Пятьдесят Восьмой не даете? Положено раз в месяц, а вы даете раз в год. <...> По воскресеньям раньше можно было весь день гулять, теперь запретили. Это зачем? Чтобы больше работали? На говне сметану собираете?»

Александр Исаевич Солженицын описал этот фантазмагорический разговор в романе «В круге первом». Наверное, преувеличил, все-таки не тот человек был министр внутренних дел Абакумов, чтобы позволить с собой так разговаривать...

Впрочем, и министра Абакумова расстреляют.

О пользе «вредителей»

15 мая 1930 года на свет появился «Циркуляр Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного

политического управления» об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». Циркуляр подписали [Куйбышев](#) и [Ягода](#). Так появилась первая система научно-технических тюрем — «шарашек» для использования «вредителей» в интересах военного производства.

В сентябре 1938 года по приказу [Ежова](#) при реорганизации структуры наркомата был организован особый, не входивший в состав управлений и секторов, Отдел особых конструкторских бюро НКВД СССР (приказ НКВД № 00641 от 29 сентября 1938).

21 октября 1938-го в соответствии с приказом НКВД № 00698 это подразделение получило название «4-й спецотдел».

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Бутырской тюрьме (СИЗО-2), первое пристанище ОКБ ОГПУ. Фото: архив

Основные задачи Отдела (из «Краткого отчета о работах 4-го спецотдела НКВД СССР с 1939 по 1944 г.»):

«Основными задачами 4-го Спецотдела являются: использование заключенных специалистов для выполнения научно-исследовательских и проектных работ по созданию новых типов военных самолетов, авиамоторов и двигателей военно-морских судов, образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов, средств химического нападения и защиты, обеспечения средствами радиосвязи и оперативной техники».

Задачи, как видите, были очерчены максимально широко.

- **ЦКБ-39**, первое в истории авиации тюремное конструкторское бюро, было организовано в декабре 1929 года и изначально располагалось в Бутырской тюрьме.
- **ЦКБ-29**, или «Туполевская шарага», или спецтюрьма № 156, — крупнейшее в СССР 1940-х годов авиационное КБ, с 1941 по 1944 год располагалось в Омске.
- **ОКБ-16** — спецтюрьма в Казани при авиационном заводе № 16, или «шарага по ракетным двигателям». С ноября 1942 года здесь трудился переведенный из омской «шарашки» С.П. Королев. Отработкой ракетного двигателя РД-1 занимались заключенные В.П. Глушко и Д.Д. Севрук.
- **ОТБ-82**, или «Тушинская шарага», — тюремное ОКБ по авиационным двигателям в Тушино. Главный конструктор ОКБ А.Д. Чаромский. С началом войны шарашка была перебазирована в Казань. В 1946-м — в Рыбинск (тогда город Щербаков). С 27 сентября 1946 по 21 февраля 1947 года в Рыбинской шарашке работал Солженицын.
- **Суздальский Покровский монастырь** — центр микробиологического оружия, или Бюро особого назначения (БОН) Особого отдела ОГПУ.
- **Атомная шарага** в Сухуми (1940-е и 1950-е годы), где вывезенные из Германии специалисты работали над разделением изотопов урана.
- **Лаборатория «Б»** МВД СССР была создана в мае 1946 года распоряжением правительства СССР на базе санатория «**Сунгуль**» в Челябинской области, в 1948-м переименована в

«Объект 0215». Лаборатория была закрыта в марте 1955-го, после чего на ее месте построен институт, вокруг института возник закрытый, ни на каких картах не обозначенный город **Снежинск** (Челябинск-70). Научное руководство было возложено на немецкого ученого **Н. Риля**. Радиохимический отдел возглавил химик С.А. Вознесенский (зэк с 1941 года), биофизический — генетик **Н.В. Тимофеев-Рессовский**.

После смерти Сталина началась ликвидация шарашек. 30 марта 1953 года был расформирован 4-й спецотдел МВД, но некоторые шарашки продолжали функционировать еще несколько лет.

Полный список «шарашек» и точное число людей, в них работавших, общественности неизвестны — до сих пор эти сведения засекречены.

«Ну, с Богом!»

21 октября 1937 года авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев был арестован по обвинению во вредительстве и принадлежности к контрреволюционной организации. Вместе с ним были арестованы многие ведущие специалисты ЦАГИ и ОКБ, директора большинства авиационных заводов. Дело вел сотрудник 2-го следственного отдела НКВД Габитов.

28 мая 1940 года Туполев был приговорен Военной коллегией к 15 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах, а также конфискации личного имущества. Согласно приговору, он «возглавлял вредительскую антисоветскую организацию в авиационной промышленности и как сам лично, так и через соучастников проводил диверсионную вредительскую работу, направленную на ослабление обороноспособности Советского

Союза. Кроме того, Туполев с 1924 года являлся агентом французской разведки и передавал ей сведения, «составляющие государственную тайну Советского Союза».

Андрей Туполев. Фото: Евгений Кассин и Марк Редькин /Фотохроника ТАСС

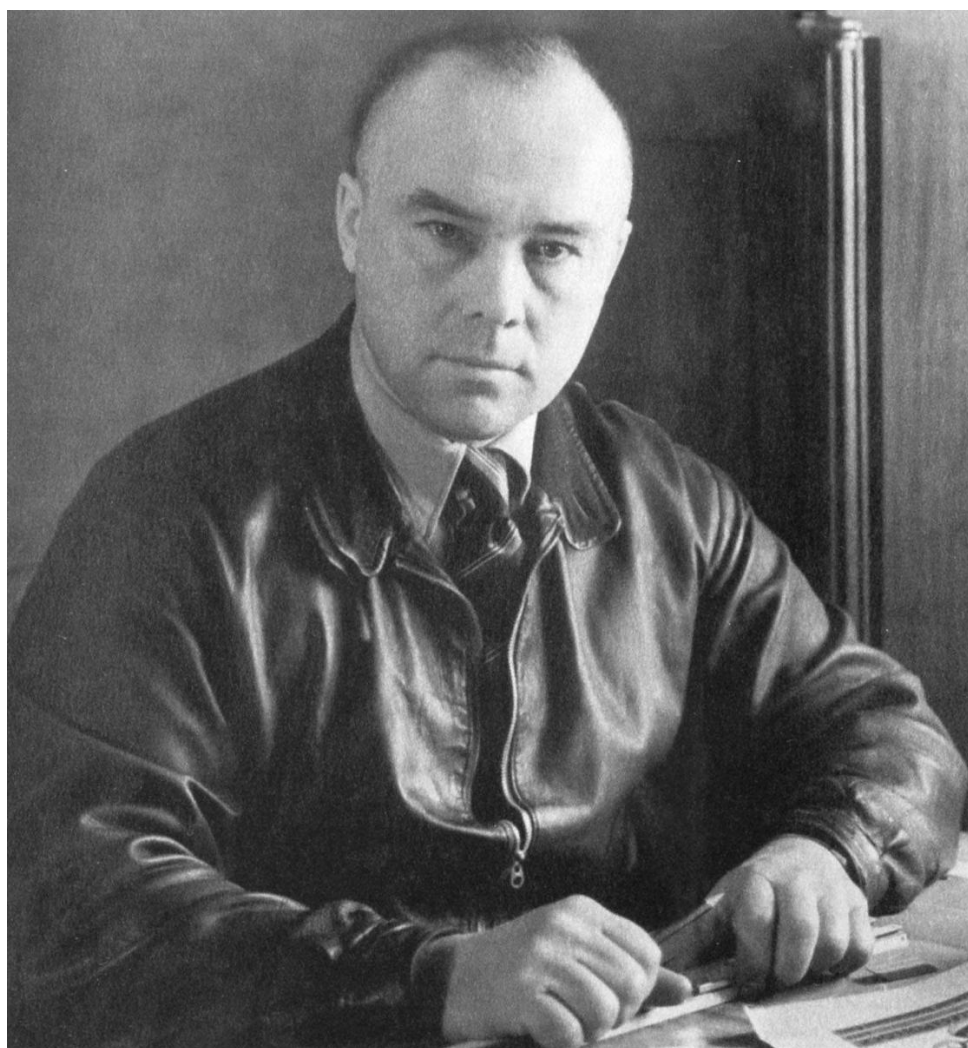
Пенсионер Вячеслав Молотов уже в 1970-е годы говорил своему confidentу, поэту Феликсу Чуеву:

«Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна советскому государству, но в душе они — против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а даже если и не вели, то дышали этим. Да они и не могли иначе! Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны. И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя».

Туполева потом «простят» за Ту-2: очень качественная

оказалась машина. Андрей Николаевич станет впоследствии трижды Героем Социалистического Труда — одним из пятнадцати на всю страну.

В 1938–1939 годах на тюремных нарах очутились: итальянский коммунист-эмигрант Бартини — главный конструктор НИИ ГВФ, автор нескольких самолетов, «личный друг Муссолини, агент итальянской разведки», Калинин — создатель первых серийных гражданских самолетов и боевого «летающего крыла» ВС-2, главный конструктор самолетов БОК и гондол-стратостатов Чижевский, конструкторы вертолетов и автожиров Черемухин и Изаксон, автор авиационного дизеля АН-1 мощностью 900 л.с. Чаромский, начальник Научно-исследовательского сектора ЦАГИ, академик Некрасов, «завербованный ФБР» во время поездки в Америку...

Николай Поликарпов. Фото: архив

В октябре 1929 года взяли авиаконструктора Николая Поликарпова, обвинив «в участии в контрреволюционной вредительской организации», саботаже и срыве опытных работ, за проявление которых выдавались факты ошибок и недоработок в конструкторской деятельности. Поликарпову разом припомнили всё: что он сын священника; что окончил семинарию; что перед вылетом летчика на опытном экземпляре нередко открыто благословлял его: «Ну, с Богом!»... Также конструктор имел немислимое мужество отстаивать свою позицию — даже если она отличалась от мнения самого Вождя.

Николая Николаевича приговорили к расстрелу, ему тогда было 37. Дочь конструктора, Марианна Поликарпова, потом вспоминала: «Мама носила ему передачи и после свидания пришла домой сама не своя: когда его вывели к ней, он все время озирался и прятал голову в плечи: видимо, его били».

Тогда-то и родилась идея «шарашки».

Московский «авиаГУЛАГ» разместили прямо на Ходынке. Как вспоминали жившие и работавшие в «7-м ангаре», он был разделен перегородкой. В одной части вдоль стен стояли кровати, а посередине — большой стол; в другой были чертежные доски и конторские столы.

Как блестяще сформулировал Генрих Ягода: «Только условия работы в военизированной обстановке способны обеспечить секретность и эффективную деятельность специалистов в противовес разлагающей обстановке гражданских учреждений».

Территорию ЦКБ-39 обнесли колючей проволокой, по периметру выставили охрану. Кормили прилично: белый хлеб, сахар, сливочное масло... Поликарпов покупал в тюремной лавке недоступные простым смертным апельсины и мандарины и угощал ими навещавшую его семью. Дочь Поликарпова вспоминала: «Папа, зная, как нам трудно живется, всякий раз к нашему приходу припасал что-нибудь вкусненькое для нас».

Увидев, что «враги» с поставленной задачей справляются, ОГПУ решило ее усложнить. Авиаконструктор В. Корвин-Кербер вспоминал: «Однажды вечером приехало начальство... В помещение внесли корзины и ящики. Тут же на столах появилось вино, закуска. Нас пригласили за стол. Все насторожились, мы не могли понять, какую цель преследует банкет».

Туполева шарашка ЦКБ-29. Фото: архив

Ясность вскоре появилась: «Слово взял Гай (начальник одного из отделений Экономического управления ОГПУ, курировавший ЦКБ-39. — П. Г.). Он похвалил присутствующих за работу и добавил, что решением командования срок постройки самолета-истребителя с 1 июня переносится на 1 мая, а уже 26 марта должен быть представлен макет. Оспаривать новые сроки было нельзя. Пришлось заверить начальство, что коллектив с задачей справится».

Они «справились»: всего творческим коллективом под руководством заключенных Григоровича и Поликарпова было спроектировано 13 вариантов нового истребителя: с разными двигателями, вооружением и т.д. Первый опытный образец получил маркировку ВТ-11 (ВТ — внутренняя тюрьма). На ВТ-11 впервые взлетел в апреле 1930 года летчик Бухгольц — он доложил, что машина выше всяких похвал; после чего руководство ОГПУ окончательно уверилось в эффективности практикуемых ведомством методов.

Заклученных решено было поощрить.

Свидания теперь разрешили аж раз в неделю. Григоровичу даже дали отпуск и разрешили поехать в Ялту с семьей. В поездке на море их сопровождал охранник.

В ОГПУ решили, что расставаться с заключенными авиаконструкторами пока рано — хорошо ж работают! — и поставили новые задачи: создать (в еще более сжатые сроки) двухместный истребитель, четырехмоторный бомбардировщик для морской авиации, первый отечественный пушечный истребитель и т.д.

К тому же зэкам вышло послабление. Поликарпову, например,

«вышку» заменили на 10 лет лагерей. А еще через пару недель коллегия ОГПУ постановила считать приговор в отношении Поликарпова условным, и его амнистировали. Что должен был пережить человек от таких кульбитов судьбы? Неудивительно, что в пятьдесят два года Поликарпова не стало.

Если бы немецким авиаинженерам рассказали, что их советские коллеги создают новые самолеты на нарах, между допросами и расстрелом, немцы, пожалуй, сочли бы это уж чересчур надуманной пропагандой.

Успешный опыт ЦКБ-39 не был забыт: в 1938 году к нему вернулись — в подмосковном Болшево организовали ЦКБ-29 («Туполевская шарага»), самую большую конструкторскую организацию Союза.

Обложка дела Григоровича и сотрудников ОМОС

Характерные особенности немецких самолетов

В конце апреля 1940 года в Москве начали приземляться закупленные (в дружественной Германии) самолеты, пилотируемые немецкими летчиками. Среди них были истребители Vf-109E и Vf-110C — по пять единиц каждой марки, по два бомбардировщика Ju-88 и Do-215B, два связных самолета Fi-156 — всего 38 машин 12 типов, в большинстве своем выпуска 1939 года.

Немецкие самолеты направили для изучения в НИИ ВВС, в Летно-испытательный институт, ЦАГИ, ЦИАМ и другие организации. Скрупулезное изучение и испытания прибывшей авиационной техники длилось с мая по октябрь. В декабре 1940 года начальником НИИ ВВС А. Филиным был подготовлен специальный отчет, в котором отмечалось, что немецкие истребители значительно превосходят по скорости И-16, но на 40–60 км/час уступают новейшим советским машинам.

Первоначально опасения вызывал He-100, выдаваемый немцами за серийный истребитель, он выжимал 650 км в час. Но быстро выяснилось, что этот рекордный самолет — пустышка и «не является доведенным до надежного состояния для боевой работы». Что касается бомбардировщиков, то здесь и вовсе не обнаружилось особой разницы, а новые советские образцы в сравнении с немецкими «обладали лучшими скоростными качествами».

Другое дело, немецкая авиатехника значительно превосходила отечественную по эксплуатационным качествам, была удобной для обслуживающего персонала и экипажа, проста в освоении, отличалась продуманным дизайном, высокой степенью унификации, насыщенностью приборами и автоматикой.

Советская авиация по числу действующих самолетов кратно превосходила вооруженные силы вероятных противников. При

этом качество самолетов неуклонно снижалось.

Но кому-то даже сегодня может показаться, что идея «шарашек» в целом себя оправдала. Ну да, пришлось людей немножко «подхлестнуть»: так ведь и время было какое — суровое, не до сантиментов: требовалось срочно «догнать и перегнать».

Вот и пришлось — кнутом. Но если б не кнутом — и машины наверняка были бы лучше, и дались бы они куда меньшей кровью.

Чудовищные планы производства приводили к упрощению и нарушению технологий. Отмеченный «разрыв между способностью сконструировать самолет и очень плохо и долго его производить» только увеличивался, вернее, теперь делали плохо, но быстро. Поэтому суть не в том, что у немцев самолеты были лучше — немцы их лучше делали, без стахановщины и национал-социалистических соревнований, и вредителей у них почему-то не было. В застенках гестапо летательные аппараты не конструировали. А гитлеровские генералы откуда-то знали, что «с момента начала составления чертежей самолета до принятия его на вооружение требовалось от 4 до 5 лет, а соответствующий срок для авиационных моторов составлял 5–6 лет».

Накануне вторжения в СССР в распоряжении Военно-воздушных сил Третьего рейха было 6852 самолета — и на Западе, и на Востоке. Это смехотворно мало.

Больше того. В немецких «воздушных армадах», выделенных для участия в операции «Барбаросса», насчитывалось лишь 3909

самолетов разных типов.

А у «миролюбивого и доверчивого» Сталина было «всего лишь» 2363 «боевых самолета новых типов». Вместе со «старыми» — 24 488 летательных аппаратов, в том числе — 18 759 боевых машин (на таких же — или хуже! — самолетах воевали французы или англичане). Только в пяти приграничных округах агрессору противостояло более восьми тысяч машин!

Александр Яковлев. Фото: архив

Любимец Сталина, авиаконструктор А. Яковлев, вдруг ставший заместителем наркома, с удовольствием приводит в своих мемуарах такие слова Хозяина: «Мы вам верим, хотя вы и молоды. Вы знаток своего дела, не связаны с ошибками прошлого и поэтому можете быть объективным больше, чем старые специалисты, которым мы очень верили, а они нас с авиацией завели в болото».

Яковлев полагал, что это — лестная и оправданная оценка.

Сталин как привык ориентироваться на молодых энтузиастов, знатоков своего дела, «не связанных с ошибками прошлого», так и дальше на них ориентировался.

А разочаровавшись, безжалостно расстреливал.

«Человеколюбие» системы

Нобелевский лауреат, академик Жорес Алферов хорошо знал немецкого атомщика Николауса Рилья и рассказал о своих встречах с ним:

«Николай Васильич (так Алферов именовал Рилья. — П. Г.) внес очень существенный вклад в создание нашей атомной бомбы. Он занимался очисткой металлического урана. Работал в городе Электросталь. Встречался и общался очень много с Берией. Всего где-то принимало участие в нашем атомном проекте триста немецких специалистов. Когда успешно испытали атомную бомбу, было большое награждение. Лауреатами Сталинской премии стали фон Арденне, Тиссен, Штейнбек. А Героя Социалистического Труда получил только Николай Васильевич Риль, и он не только получил Героя Социалистического Труда, он получил автомобиль, он получил ковер-самолет. Ковер-самолет — это значит право бесплатного проезда для него самого, жены и несовершеннолетних детей до совершеннолетия по всей территории Советского Союза воздушным, железнодорожным и паровозным транспортом первого класса или в каютах «люкс» и так далее. И он получил дом в Москве в личную собственность и дачу в Жуковке.

Николай Риль. Фото: архив

Риль очень высоко оценивал работу Аврама Павловича Завенягина, который курировал немецких специалистов. А долго не получалось результатов, и однажды Аврам Павлович сказал Рилю, что, вы знаете, я уже больше не могу вас защищать. Идет время, а результатов нет, начинают думать, что немцы саботируют. Тогда, говорит Риль, я сделал следующую вещь, и больше никогда таких доводов не приводил. Мы привезли из Германии, он сказал, много материалов, некоего оборудования, которое захватили, в том числе резину для форвакуумных насосов, и резина эта кончилась. А для проекта атомного поручили делать шланги для форвакуумных насосов «Красному треугольнику», который, вообще-то, галоши делал, и они сделали так, что сечение было похоже на пороссячий хвостик, а не нормальное круглое внутреннее. И я отрезал, говорит, кусочек этого шланга и принес Завенягину. Говорю, посмотрите, что нам дают. Тот забрал. Позже Риль узнал, что

директор «Красного треугольника» получил срок. И я, говорит, понял. Дальше, если у нас что не получалось, я никогда не сваливал на других, я всегда говорил: мы виноваты, мы в чем-то не разобрались».

Но есть и такое мнение.

«Очевидно, что решение (о шарашках. — П. Г.) не было идеальным. Однако оно было намного лучше, чем если бы ученые строили дороги или валили лес.

Конечно, можно ругать решение Берии и Сталина о создании «шарашек», кричать о загубленных судьбах людей, как это любят либералы. Однако можно прислушаться и к мнению тех исследователей, которые считают, что благодаря 4-му спецотделу НКВД-МВД СССР были спасены многие и многие советские ученые и научные специалисты.

Деятельность особых технических бюро НКВД в годы Великой Отечественной войны подтвердила жизнеспособность и высокую эффективность этой системы.

Можно сказать, что в «шарашках» творческий потенциал советских ученых был реализован с максимальной пользой для Советского Союза и народа (на тот период времени)».

Так 11 октября 2012 года написал сайт «Военное обозрение».

Удивительная страна! Удивительны воспитанные ею люди! Предлагается сравнить пользу от ученого, занимающегося своим делом в тюремной камере, и им же — на лесоповале! Третьего не дано! «Были спасены (в «шарашках») многие и многие советские ученые и научные специалисты».

Презрение к человеку (любому: великому ученому, писателю, слесарю, крестьянину), к его устремлениям, мыслям, способностям, возможностям — в противовес «государственному интересу», как понимают его самоназначенные вожди и их лакеи.

Владимир Бешанов в последнем абзаце своей книги «Летающие гробы» Сталина» делает вывод, с которым не поспоришь:

«Система», впитавшая в себя ленинское презрение к умственному труду, культивировавшая насилие как универсальный ключ к решению любой проблемы, оперировавшая «массами» и игнорировавшая «единицы», убежденная, что страх — лучшая мотивация, тюрьма и казарма — лучшие формы организации любой деятельности, система, полагавшая, что между колхозом и ВВС нет особой разницы, а кухарка может управлять государством, имела шанс победить в любой войне только количеством».

Рабский труд — он не может быть соизмерим по эффективности с трудом свободного человека. КПД его совершенно другой. Поэтому несмотря на то, что арестованные конструкторы делали всё возможное и невозможное, работавшие в совершенно других условиях конструкторы Германии, Англии, Америки выпускали в это же время машины ничуть не хуже (а даже местами много лучше!) и в куда более сжатые сроки, чем те, что создавались в «шарашках»: даже такими гениями, как Поликарпов, Туполев и их товарищи.

Я уж не говорю о том, что задачи им ставили те, кто был

бесконечно далек от той же авиации — Абакумов и ему подобные: они, кроме битья палкой и издевательств, ничего не умели в принципе.

Обозреватель «Красной звезды» полковник Михаил Ребров многие годы писал о «покорении космического пространства», был лично знаком с героями и создателями, подлинными руководителями этой засекреченной отрасли, вел с ними откровенные беседы — Кузнецов, Рязанский, Бармин, Пилюгин, Глушко, Королев...

С. Королев в заключении. Источник: архив

Ребров оставил рукопись «Совет Главных», в которую включил свои очерки о людях, благодаря которым мы еще сохранили свое место в космосе. Родственники издали эту книгу — «для себя», тиражом 15 (пятнадцать!) экземпляров. Через что были вынуждены пройти шестеро великих конструкторов — членов «королевского» Совета, да и сам Сергей Павлович?!

Из бесед Королева с Ребровым приведу лишь один факт. Сергей Павлович, тоже битый на следствии, осужденный к десяти годам, отсидевший по доносу в смертельном лагере на Колыме и вырвавшийся оттуда в туполевскую «шарашку», был реабилитирован лишь в 1959-м, уже возглавив советскую космическую программу. Но до самой трагической смерти Главного конструктора перед ним НИКТО даже не извинился!

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Людоеды в пиджаках»](#)

Самое страшное, что сделали эти люди, — построили «новую мораль», которой инфицировали всё население страны

18:02, 4 марта 2026, Павел Гутионтов

[Ракета взлетела, ученые сели](#)

Как развивалось «гиперзвуковое» уголовное дело, в рамках которого за решеткой оказалось как минимум 12 физиков

10:09, 19 мая 2026, «Новая газета»

[«Выходящий, не радуйся!»](#)

Избранные места из краткой истории лагерей и тюрем в СССР

18:19, 7 апреля 2026, Павел Гутионтов